

ЭПОХИ НАШЕЙ КУРАНТЫ

Эти свои заметки о спектакле МХАТ «Кремлевские куранты» я хотел бы начать с воспоминаний.

Почти 20 лет назад, в 1947 году, мне выпала честь сыграть в «Кремлевских курантах» роль Владимира Ильича Ленина. У Николая Федоровича Погодина тогда еще был первый вариант пьесы, и наш театр имени Хамзы, вслед за другими и вместе с другими театрами страны, поставил ее на своей сцене.

Я хорошо знаком со спектаклями МХАТ СССР, знаю его «Кремлевские куранты». Но с понятным волнением я ждал открытия завесы...

Забегая вперед, скажу под свежим впечатлением увиденного: как заинтересованный зритель, а тем более актер, причастный к сложной, почетной и ответственной задаче всех национальных театров — задаче воссоздания образа Ленина, я весь спектакль работал — работал разумом, чувством.

Не буду много говорить о своих чисто зрительских впечатлениях. Они огромны. Волшебное — и только в первом своем варианте поставленный когда-то еще самим Вл. И. Немировичем-Данченко, а в новой редакции осуществленный М. Кнебель, И. Раевским и В. Марковым, этот спектакль о первых днях революции по-настоящему драматичен, наполнен, я бы сказал, партийной романтикой и глубоко современен. Он протягивает прямую и живую нить от дел и дней Октября к делам и дням нашим, напоминает каждому из нас, особенно молодым, о личной ответственности в общенародной борьбе за торжество ленинского дела. А такую силу спектаклю придают талантливая режиссура и необычайно проникновенное, мудрое в своем отражении и правды жизни, такое изящное и щедрое мастерство актеров. Это были часы чистого, приятного и волнующего общения зрителя с высоким искусством.

Я, по-видимому, мог бы сказать об этих часах что-то более важное и интересное. Но, повторяю, смотрел «Кремлевские куранты» и как пристрастный актер, переживания которого представляются мне тоже весьма значительными.

Смотреть этот спектакль мне и легко, и трудно. Легко — потому, что внутренние повороты и скрытые «пружины действия» погонинской пьесы и мхатовского спектакля не были для меня неожиданными, логика образов была ясная, душевные движения Ильича в обстоятельствах драмы понятными во всех тонкостях. А трудно — потому, что я слежу за спектаклем со своим, уже сложившимся отношением к пьесе, к ее героям, со своим, если хотите, видением образа самого Ленина. Ведь помимо «Кремлевских курантов», роль Ленина доверялась мне еще в четырех пьесах, в том числе в «Нуте водной звезде» Камиля Яшена.

А если попытаюсь и подытожить с ходу эти впечатления, то, пожалуй, тоже прибегну к тем же двум словам: легко и трудно. Лег-

ко — от гордого понимания того, насколько интернационален ленинский образ и в самом искусстве, как близок он людям, на каком бы языке они ни говорили, и как по-своему, творчески и оригинально, решается его образ мастерами национальных культур.

А трудно... Трудно от сознания тех задач, которые нам, в нашем национальном искусстве нашей многонациональной страны, надо решать, работая над образом Ленина, над проблемой, я бы сказал, персонификации в искусстве вообще, в театральном искусстве в частности, живого и могучего образа большевистской партии. А глубже осознать эту задачу и помогают мхатовские «Кремлевские куранты».

В чем же завораживающая сила, привлекательность, убедительность этой постановки? Прежде всего в том, как Б. Смирнов играет Ленина.

Б. Смирнов уже во время нынешних гастролей, находясь в одной из соседних республик, высказал очень интересную мысль, говоря об одном из монументов Ильичу: «Хорошо бы, если бы памятники ему были без пьедестала». Весь спектакль мне казалось, что у него самого Ильич именно без пьедестала. Никакой торжественной героизации. Никакой монументальной отчужденности. Смирнов словно шагает к нам через рампу. Он неотразимо убедителен. И дело не только в портретной точности, достигаемой без постоянного напоминания знакомых жестов и интонаций (хотя и это очень волнующе!), а в такой душевной свободе, такой отдаче тому, что сейчас, в каждый данный момент, интересует и тревожит героя, что мы до конца верим в его искренность, верим и начинаем напряженно думать и весело смеяться вместе с ним.

Ленин в крестьянской избе, на ночном бульваре с трамвайчиками, в кабинете... Всюду, за всеми бытовыми поступками, за, казалось бы, случайной сменой тем разговора и настроений, в частных эпизодах повседневной жизни — везде Ленин и его историческое дело. Актер с поразительной тонкостью притрагивает душевное состояние Ильича. В живом и таком близком человеке мы ощущаем грандиозные исторические масштабы, чувствуем мощь его мысли, красоту его великой мечты. У Смирнова — ленинское обаяние и ленинская теплота, но у него и величайший государственный деятель, мужественный революционер, которому нелегко творчески трудно. Таким я вижу Ленина — Смирнова в сцене встречи с инженером Забелиным.

Смирнов удивительно проникновенно передает веру Ленина в народ. Ленин знает, как много может сделать человек, и он страстно желает найти для каждого дела нужного человека и для каждого человека — нужное дело. Мне кажется, например, что подчеркивание именно этого скрепляет многие картины спектакля в

единое целое. А живое общение Ильича со значительными, крупными характерами других героев, в свою очередь, помогает зрителю еще глубже и шире постигнуть ленинский образ в спектакле Художественного театра.

Если мое актерское видение великого образа остается моим потопом, между прочим, что я воссоздаю его на узбекской сцене, для узбекского зрителя; если мое отношение к образам, созданным в спектакле театра имени Хамзы, не претерпело существенных изменений и после просмотра мхатовских «Курантов» (потому что режиссура этого спектакля и в театре имени Хамзы отнюдь небезразлична к национальным формам искусства), — то все же и то и другое от этих встреч неизмеримо обогатилось. Через «трудно» я прошел хорошую школу мастерства. И это отнесется ко всему творческому ансамблю спектакля.

Превосходный В. Ливанов открыл трудную судьбу большого человека на крутом историческом повороте. Инженер Забелин не сразу понял исторический смысл великой революции, вначале обиделся, встал в позу выброшенного за борт человека. Ливанов открывает перед нами силу, упрямство и резкость человека могучего, самобытного. Именно поэтому заблуждения его и оппозиция Советской власти приобретают трагическую окраску. И все же главное в Забелине — жажда работы. Ливанов особенно подчеркивает творческую, созидательную природу своего героя. И потому, когда Ленин поручает Забелину огромное дело, тот сдвигнут со своей позиции. Глубоко играет Ливанов эту труднейшую сцену. Он почти неподвижен, скуп на мимику. Но в глазах, в интонациях, в паузах открывается нам грандиозный переворот, который пережил этот сильный и большой человек. Скорому переждению, происходящему на сцене, обычно не доверяешь. Внутреннему перелому, который на наших глазах пережил в кремлевском кабинете Забелин — Ливанов, веришь безоговорочно.

Есть в спектакле и другой человек, «ищущий дела» и ослепленный, когда ему это дело находится, — это часовщик в исполнении Б. Петкера. Как Забелин был побежден ленинским планом электрификации страны, так старый часовщик с жадностью принял за работу, заключающую в себе символический смысл, — за починку кремлевских курантов. Эпизодическая фигура пьесы выросла в одно из главных действующих лиц спектакля. Б. Петкер с тончайшим мастерством вылепил этот трагический образ. Прелесть исполнения Б. Петкера в том, что за острой комедийной характерностью видна душа этого по-своему значительного человека. Я обратил внимание на его внешний вид, когда он появляется в кремлевском кабинете. Наверное, он одет в березно хранимый парадный костюм, который был вытасчен из завального сундука не только потому, что мастер приглашен в Кремль,

а потому, что он вообще приглашен работать. Старик полон уважения к своему точному и капризному делу. И в нем, как и в Забелине, живет сильная, страстная жадность к труду.

Спектакль Художественного театра говорит о простых людях, которые налаживают ход истории, о простом человеке Владимире Ильиче Ленине, о простом человеке Антоне Ивановиче Забелине, о влюбленном в свое дело часовщике.

В этом же ряду и образы деревенских большевиков и московских рабочих. Сюда же примыкает Саша Рыбаков и Маша Забелина. Их играют в спектакле представители первой пороты МХАТ Л. Золотухин и М. Анастасьева, радующие нас тонкостью сценического мастерства. И главный пареня Рыбаков, влюбленный в Машу, — человек яркий, размашистый, — своеобразная личность. И дочь Забелина — Маша — не просто обаятельная девушка, а натура сильная, целеустремленная, истинная дочь своего отца. Поразительно, как в этом спектакле «рядовые революции» оказываются полновластными крупными действующими лицами. В этом я прочитываю глубокий, интересный и партийный замысел всего спектакля. И как тонко и многообразно выражен этот замысел!

Приведу такой пример: в картинах в доме Забелиных обращают на себя внимание гости Забелина — Скептик и Оптимист. Обращают на себя внимание прежде всего из-за блистательного мастерства исполнителей этих ролей П. Соболина и З. Тобольцева. Эта пара — два варианта обывательского невмешательства в жизнь. Угрюмо кутаются в плед, скулят и пророчат всякие неприятности Скептик. Готов со всем примириться и со всем согласиться Жизнерадостный и равнодушный Оптимист. Но и та, и другая позиция — позиция людей, остающихся в стороне. Это единая позиция исторической безответственности. Энергично и весело опровергаемые исполнителями и театром, осуждаемые ими, и эти эпизодические лица «работают» на основную мысль постановки, о каждом из участников которой можно говорить и говорить.

«Кремлевские куранты» с абсолютной точностью отсчитывают часы всемирной истории. Это необходимо и для подавляющего большинства на земле очевидно. Не подлежит сомнению и то, что с каждым днем будет расти и обогащаться новыми произведениями литературная и сценическая Ленинна. Наши драматурги, наши актеры постараются тоже вписать в нее свои страницы. И глубоко осмысление того, что уже сделано, обращение к опыту мхатовских «Кремлевских курантов», к творческому подвигу народного артиста СССР В. Смирнова поможет им успешно решить эту ответственную и благородную задачу.

Шукур БУРХАНОВ,
Народный артист СССР.

«Прага Востока» 12.9.65

г. Ташкент

